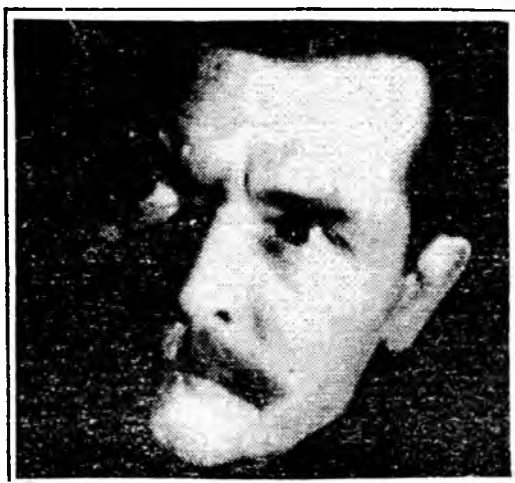

**АЛЕКСАНДР
ЯШИН**

**к 80-летию
со дня рождения**

Ой ты Русь моя, Русь,-
Ноша невесомая!
Насмеюсь, наревусь-
У себя дома я.

Александр Яшин

Александр Яшин - русский поэт и прозаик родился 27 марта 1913 года в деревне Блудново Пермской волости Никольского уезда Северодвинской губернии, в 25 км от Никольска. В дневнике 1946 г. Яшиным сделана такая запись: "Родился 14 марта 1913 г. Крещен 15/3 в честь священномученика Александра, празднуемого церковью 15 марта... Священник Николай Кубасов". Скончался А. Яшин 11 июля 1968 г. Отпевали в храме во имя Святителя и Чудотворца Николая в Кузнецкой слободе в Москве. Священник А. Куликов.

Александр Яшин, родовая его фамилия Попов, с детства умел исполнять все крестьянские работы: пахать, косить, жать и даже прясть, но и поэтический талант, данный ему сверх общего дарования, проявился очень рано. Его стихи, рассказы сохранились с шестилетнего возраста. Оставшись с двух лет сиротой - отец погиб в первую мировую войну, - он рос в семье матери и отчима, которые в отличие от его деда и отца были неграмотными. Дед его Михайло Михайлович Попов, кузнец, основал в своем доме школу, в которой и поныне учатся блудновские дети. Раньше существовал прекрасный обычай собирать сельский сход, на котором решались важнейшие вопросы жизни. Вот и тогда, собранный дедом поэта сход, заставил отчима учить мальчика.

Окончив Никольский педтехникум, Яшин преподавал в Зеленовской школе. Вскоре он попадает в Вологду и Архангельск, где в 1934 г. издает первую книгу стихов "Песни Северу". Затем учеба в Литературном институте, окончание которого совпало с началом войны и уходом добровольцев на фронт. Перед самой войной выходит книга Яшина "Северянка", стихотворения из которой позже он включал в "Избранное". За время войны и после печатается ряд сборников: "Город гнева", "Клятва", "Земля богатырей", "Земляки", "Стихотворения и поэмы". В течение жизни Яшин издал около 30 книг, и посмертно, за 25 лет, вышло столько же. Прозу Яшин писал давно, но первый рассказ "Рычаги" был напечатан в 1956 г. За него он подвергся жестокой проработке. Рассказ этот впервые был переиздан только через 31 год. В 1962 г. появляется повесть "Вологодская свадьба", и снова организовано гонение, травля. И второй раз в жизни Яшина защитил сельский сход, пославший опровержение на критику. При жизни писателю удалось издать только одну книгу прозы - повесть "Сирота", остальные выходили уже без автора, и впервые были опубликованы через 20-25 лет после их создания. Также и многие стихотворения долгое время читались только в кругу друзей. Работа "в стол" с грустной мыслью: "А я пишу стихи, которым увидеть свет не суждено..." не дала возможность завершить многое из задуманного и начатого.

В сороковые, пятидесятые годы Яшин как и раньше оказывается на переднем плане событий, ездит на "стройки коммунизма", на целину, стараясь все увиденное использовать в

Дом на Бобришном угоре

А. Яшин на Волжской
Военной флотилии
1942г.

творчестве, говоря правду так, как он ее тогда понимал. Это время идейно-социальных заказов, как он с горечью позже говорил сам: "приказчичьих стихов". Позднее он напишет об этом так: "До чего ж мы были просты С нашей верою беспросветной, С нашей преданностью несусветной, Доходившей до слепоты!". "Поэзии вне времени не существует", - замечает он, и поэтому, конечно, его творчество, лишенное свободы слова, тесно связано со временем, которое он называл "жесточкой двуликой эпохой". "В те года рифмы своеобразные, Не в меру лиричное слово Воспринималось как неприличие, А местоимение личное - Как посягательство на основы". В 1947 г. из-за этого был рассыпан уже набранный сборник лирики "Живая вода". Сохранился единственный экземпляр, хранящийся в Российской Государственной библиотеке. Но уже в середине 50-х годов его лирическая поэзия приобретает ярко социальную, гражданственную окраску. Пережив "переходный возраст" и осознав весь трагизм происходящего, он писал: "За все отвечать настала пора: За то, что когда-то я промолчал, За то, что кричал во весь рот ура, А караул не кричал". Первая книга стихов, знаменующая новый период в его творчестве была "Совесь". "Это плод моего переходного возраста, она выстрадана, а не сочинена", - писал он. С этого времени правда, совесть, а она как известно - глас Божий в человеке - стали как бы девизом творчества Яшина. "Всё во имя совести, Всё во имя чести, Всё - от первой повести до последней песни".

Но не только социальные темы волнуют в это время поэта. Тяга к свету присутствовала в нем все время, несмотря на все отступления и заблуждения, свойственные нашему веку. В одном из ранних стихотворений он обращается к бабушке Авдотье Павловне, прося её благословения на дальнейшую жизнь:

Я до утра порой не мог заснуть
У бабушки,
Чего в тех сказках нету!
День наступал.
Душа тянулась к свету
Наставь, родимая, на светлый путь!

Яшин жил в то время, когда надо было отстаивать само понятие существования души:

Скучный и злой, наверно, был
Тот, кто, надев мундир,
"Мёртвой природою" окрестил
Весь этот добрый мир.
Он и в другом убедить спешил,
Чувства и честь глуша,
Будто бы нет у людей души...
Есть у меня душа.

В рабочих тетрадях встречаются строфы, говорящие о сохранении духовности, несмотря на отлучение от церковного знания:

Давно обходимся без Бога:
Чего просить?
О чём молить?
Но в сердце веры хоть немного,
Наверно, надо б сохранить.

Или: Отлучили от церкви
От веры не отлучишь
От правды, от совести не отлучишь
Буду стоять за народ.

В это же время /1958 г./ он обращается с молитвой к Матери Божией с просьбой о духовной помощи:

Мать Божья, не обессудь,
По церквам я тебя не славлю,
И теперь, взмолившись,
Ничуть не юродствую, не лукавлю.
Просто сил моих больше нет,
Всех потерь и бед не измерить
Если меркнет на сердце свет,
Хоть во что-нибудь надо верить.
/.../Дай мне выбиться из тупика.
Из распутья, из бездорожья,
Раз никто не помог пока,
Помоги хоть Ты, Мать Божья.

На рабочем столе писателя всегда лежал листок с написанными им словами: "Молитва /утренняя/ Помоги мне, Господи, написать ещё одно стихотворение!"

Тяжело переживая свое состояние, Яшин говорит о "разрыве, наметившемся между поэтическим изображением жизни и её подлинностью". "Вот главное преступление нашего времени - люди перестают доверять друг другу", - так он характеризовал атмосферу в обществе. Стихи последних лет становятся всё более исповедальными, философски-глубокими, мудрыми. В пятидесятые-шестидесятые годы Яшин много работает и над прозой. И здесь он остаётся верен своим убеждениям, несмотря ни на какие гонения. В этом и состоит его подвиг - понимание своей литературной работы как служение людям. Об этом его стихотворение: "Я обречён на подвиг..." Как бы не отличались друг от друга ранние и поздние стихотворения - всё это одна "книга жизни", книга творчества Яшина, и вся она объединена, пронизана необыкновенной его любовью к родной земле, вологодчине. За веру и отечество шли умирать русские люди во все века.

А. Яшин на сенокосе у реки Юг. 1963 г.

Много планет, а Земля одна,
Солнце одно навеки.
Только одна на всю жизнь дана
Родина человеку.

О том, что родина для него – земной рай, можно привести много примеров и поэтических и из прозы. Одно из стихотворений так и называется "О моей святыне". А одну из книг он назвал "Тебе, любимая!" "Любимая!" – так поэт обращается к Вологде. Устами своих героинь Яшин выражает и свою тоску по родине. В рассказе "Подруженька" он так описывает переживания главной героини, которая из деревни в поисках хорошей жизни по городам, переехала жить на станцию: "Вот когда пожалела Катерина Федосеевна, что покинула свое деревенское житьё-бытьё! Дома, говорят, и стены помогают. А где они теперь, эти стены? /.../ Уехала она из родной деревни, будто живой воды лишилась, от святых даров отреклась". В "Бабе Яге" Устинья "главным своим несчастьем в жизни считала всегда, что подолгу жила не дома...". Матрёна Савельевна в "Слуге народа" говорит: "Только какая уж я городская. Так, горе одно. Сама уехала, а душа все там, словно на нее паспорта не выдали..." Об этом же и стихи: "Я давно на родине не был, Много в сердце скопил тоски". Великое переселение – выселение русского крестьянства насильно в одни годы и как бы вольное в другие продолжается в течение всего 20 века. Обманчивое всемогущество города и тоска по утерянной природе показаны в программном стихотворении "Всё для человека":

... И сколько лет
должен был человек
мотаться из города в город,
ютиться в кирпичных и железобетонных домах,
дышать дымом и пылью,
пить нечистую хлорированную воду,
принимать по утрам пирамидон
от головной боли,
чтобы, наконец,
в обыкновенном лесу
обрадоваться, что на подошвах его
не грязь, а хвойные иглы и листья,
и удивиться,
и сказать самое простое:
-Все в этом мире для человека,
почему же он не понимает,
как хорошо жить в лесу?

Теме своей он не изменял в течение всей жизни, повторяя: "А писателю некуда деваться от своей темы, от своей деревни". Художественность и документальность, мягкий юмор и горечь размышлений и обобщений сочетают в себе повести "Вологодская свадьба" и "Баба Яга". Вот как Яшин сам пишет о последней: "Баба Яга. Мозг работает и душа работает. Баба Яга не может быть плохой во всем и не вызывать жалости и сочувствия. Это – опозоренная, разграбленная, неграмотная, но сказочно-богатая самобытностью, одаренная, изнасилованная, обиженная, многотерпеливая русская деревня. Когда она погибла – тогда поняли ее и пожалели".

Мы не умеем читать, как говорил Яшин, не "принимая сигналов". Требуем заманчиво-развлекательных сюжетов, успевая следить за фабулой, интригой, а серьезные книги, требующие нашего внимания, сердца, души, ума – остаются невостребованными. Этим мы обкрадываем себя. Прочтите внимательно повесть "Стечение обстоятельств", "Чистые руки", "Директива" – они и сейчас о многом расскажут вам. Особое место занимает "Слуга народа". "Это повесть о крушении человека, оторвавшегося от народа..." – объясняет автор. И дальше говорит о его матери: "Главное в том, что у старушки появляется протест против образа жизни сына. Излишества ей стали претить. Это рассказ о выросшем до чудовищных размеров разрыве между уровнями жизни народа и аппарата, "слуг народа", между городом и деревней. Это протест против несправедливой жизни бюрократического аппарата управления". Повесть обнажает весь ужас, тупик бездуховной жизни, типичной для нашей бюрократии и псевдоинтеллигенции. И противопоставлен этому образ матери, как совести народа: "Где мой сын берет такие деньги, Господи? Не случилось ли беды какой", – размышляет она и удивляется как её сын за 1000 км по телевизору учит крестьян как вести хозяйство: "Ишь ты, учит! А ведь ничего уж, видно, не помнит и не разбирается в нашем деле. Да и немудрено, давно дома-то не бывал. Разве он нашу жизнь знать может?!"

Одним из первых заговорил писатель о сиротстве земли в своих повестях: "Земля осиротела, лежит неухоженная, необлаканная, последние соки свои теряет...", "Бесхозная земля рожать не будет, надо, чтобы земля не осиротела". Яшин - один из самых ярких представителей своего края. Рыцарь слова, он оставил нам в своем творчестве мудрые завещания о совести, долге, чести, бережном отношении к людям - "Спешите любить, жалеть и любить", веря в неземную красоту души каждого человека. И поможет он нам своей поэзией в отстоянии душ человеческих от нахлынувшей бесовщины. Он завещал любить свой родной край, Отечество. Он славил окружающий нас благодатный мир природы, звал удивляться красоте мироздания, общаться с природой, спешить делать добрые дела. Читайте произведения Яшина и тогда "Добру откроется сердце и совесть будет чиста".

Как бы ни сложилась жизнь человека в зрелые годы - детство, юность определяют и освещают ее до конца, всегда оставаясь тем источником, который питает человека всю жизнь. Волею-неволею оторвавшись от крестьянской среды, уехав еще юношей в город, чтобы стать профессиональным литератором, он скоро затосковал по своим "нехоженным лесам, невиданным каменным склонам, несслыханным птичьим голосам..."

В семнадцать лет впервые приехав в Москву, ошеломленный всем увиденным, Яшин писал в свое Никольское педучилище: "Ой, мать родная, где я?! Стук, визг, гром, вой. Где я!.. Автомобили, трамваи, мотоциклы, извозчики. Камень, железо, железо, камень. И все огни, огни, огни... Повернулся, да... Унеси, Господи, на старое место!.." Эта искренняя мольба деревенского юноши, попавшего в испугавший его, но и захвативший мир, далекий от первозданной природы, мудрого старинного уклада жизни, была через много лет услышана. Господь унес его на старое место.

Он вернулся не только в творчестве, но уже навсегда. По его завещанию родственниками и друзьями был похоронен в вологодских лесах, высоко над рекой Юг, на месте, называемом Бобришным Угором, рядом с построенной им в 1962 г., избушкой. О своей давней мечте построить дом в лесу он так писал: "Представилось так же, что изба эта на высоком берегу реки мне совершенно необходима: каждое лето я буду сидеть в ней и писать так как никогда и нигде мне еще не писалось. Это будет рабочий домик поэта. Да что поэт - я решил, что именно здесь-то и смогу стать настоящим прозаиком. /.../ Даже названия окрестных деревень здесь милы мне... Герои мои будут сами приходить ко мне на дом, в гости, это мои земляки". Бобришный Угор стал для него символом родины: "Бобришным Угором я сейчас называю не только облюбванное с детства место в лесу над рекой, где теперь стоит мой охотничий дом, но уже и деревню Блудново, в которой я родился, и район, и город, где началась моя сознательная жизнь, а вообще Родину. Вся Родина моя - Бобришный Угор. Поэзия - тоже он. Завершение моей жизни на Бобришном Угоре".

Возвращение к истокам жизни - своей и народной - продолжалось все годы и подспудно и явно. К устоям народной жизни от утопического ожидания будущего земного рая, от пустой мечты к трезвой оценке происходящих событий, к твердой вере, которая в глубине жизни народной непоколебима. Этот путь, прежде чем на него повернуть всей стране, должен быть пройден многими ее сынами по отдельности. И Яшин был одним из таких.

Возвращение это у Яшина началось радостным чувством-открытием любви к родной земле, ожившего с новой силой вместе с природой в стихотворении, написанном еще до войны, "Весеннее". Начинается оно так: "Я даже сна лишился, я тоскую...", а заканчивается словами: "Далеко где-то зацвели рябины за Вологдой, А мне покоя нет". Затем в военных стихах, таких как "Не умру", в котором раненый боец заново видит свой край, за который он воюет: "Ах, родина, лесная сторона! Как всё стократ для сердца стало мило - Брусника в чащах, Рек голубизна, - Война все чувства наши обострила". Война, а он с самого начала её был на Ленинградском фронте, потом на Сталинградском и закончил на Черном море - осталась на всю жизнь как бы камертоном, многое выявляя в мирное время, изменяя мировоззрение автора. С каждым годом он, по его словам, острее чувствовал причастность к жизни и делам своего народа и ответственность за всё, ценил умение жить миром, всем миром - то, что сейчас выбивается всеми способами из людей.

Никогда не порывая своей связи с родиной, он давно вынашивал идею вернуться туда. Об этом есть интересные размышления в дневнике. Здесь и такие причины, как "Очень уж моя жизнь стала тяжелой, безрадостной в общественном плане. Я слишком много стал понимать и видеть и ни с чем не могу примириться." Плохо, когда правду называют крамолой", и творческие: "... с возрастом к нам приходит потребность в большей душевной сосредоточенности, в размышлениях, в обобщениях, когда для каждого нового стихотворения бывает необходим материал уже многих лет жизни..."

Всё чаще и настойчивее звучит призыв: "Человек должен жить в лесу". Еще в 1959 г. он пишет: "Уход Л. Толстого - подвиг. Но подвиг и возвращение. /.../ Это очищение и путь к наибольшей сосредоточенности в творческом труде своем". И вот уже построив дом на Бобришном в 1967 г. он набрасывает: "Поэма ухода. Ухожу от друзей, от города - в звуки леса, лугов, как Лев Толстой... От тщеславия, от борьбы за власть, за закрытый распред и паёк". "Уже давно у меня появилось желание творческого одиночества - этим объясняется и строительство дома на Бобришном Угоре, и приобретение однокомнатной квартиры на Аэропортовской" - поясняет он как бы сам себе. Обстановка последней его квартиры и составляет ядро Мемориального музея А. Яшина в г. Никольске. Все вещи, книги, посмертная маска, все материалы, касающиеся жизни и творчества писателя, дом на Бобришном Угоре переданы в дар Никольскому району вдовой Яшина - Яшиной Златой Константиновной.

В Никольском музее Яшина есть книги с автографами их авторов. В 1963 году на Бобришный Угор приезжал познакомиться с ним Федор Абрамов, переживавший тогда одно из самых тяжелых времен в своем творчестве. Яшин притягивал своей позицией в литературе, своим талантом людей, подобных ему. В 1966 году сюда приезжал В. Белов, сделавший "столик, стулик на вырубленных окоренных стволинах сосновых, сучья вместо ножек" и написавший тогда рассказ "Бобришный Угор", где он спрашивает: "Выстоять, не согнуться учусь у тебя. Пока есть ты, мне легче жить. А ты? У кого учишься ты, кто или что твоя опора? Я знаю: быть честным - это та роскошь, которую может позволить себе только сильный человек, но ведь сила эта не берется из ничего, ей надо чем-то питаться. Мне легче, я питаюсь твоим живым примером, примером людей твоего типа. У тебя же нет такой живой опоры. И я знаю, как тяжело тебе жить".

Опору такую Яшин не нашел в среде московских писателей. Он искал ее у себя на родине. В Никольском музее есть журнал с надписью: "Дорогому Александру Яковлевичу Яшину - крестному отцу и другу старшему. 1 ноября 1966 г. В. Белов". В этот же день подписана фотография писателя, на которой он снят в военной форме во Владивостоке, где проходил переподготовку: "Капитану второго ранга А. Яшину от лейтенанта в прямом и переносном смысле В. Белов". Лучшие поэты посвятили стихи А. Яшину: Н. Рубцов, А. Передерев, С. Куняев...

В Москве, почти в центре сохранился дом В.М. Васнецова, наглядно рассказывающий нам об образе жизни замечательного русского художника, его творчестве - деревянный, рубленный дом стоит, зажатый со всех сторон огромными коробками новостроек. Усадьба Л. Толстого, дом Тютчева в Муранове, дом Есенина в селе Константиново... Каждый дом рассказывает о его хозяине, об эпохе, в которую он жил, и о той среде, в которой он жил и творил. И вот дом Яшина на Бобришном Угоре, в который попадаем минуя дом, построенный его отцом, в котором он родился, в котором теперь некому жить и о котором он готовился написать повесть. "Для кого строился дом" - это главная моя книга...

Большая крестьянская семья - дети. Вырастают - у каждого своя судьба. кто убит на войне, кто уехал учиться, кто на "колхозном фронте" погиб, кто на лесозаготовках. Удачная жизнь, нелепая жизнь, светлая смерть. От всей семьи остается старуха - дом готов, дом строился для сыновей, для внуков... Для кого строился дом!!! И тут же он помечает: "История одной семьи - это и история тяжелого времени поисков новой жизни..." Минута дома деда, где и сейчас школа, устроенная им, и откуда разогнали по всей стране сыновей, дочерей, невесток, зятьев, внуков. И бабушку Авдотью Павловну выгнали... И пройдя километра два за деревню, к реке через поле и лес, приходим к дому и могиле писателя. И вот дом этот рассказывает нам о сложном пути его хозяина от колыбели, которая находится здесь же на чердаке, и до могилы на месте, выбранном им самим. Дом построен, всё заведено, а жизнь земная кончилась. Но путь, намеченный и найденный им после стольких поисков, душевных мук, ясен. Все есть: красивое потаенное место, согласие с природой, уединение, любимая работа, непритязательность в быту - настил из досок, застланный половиками ручной работы, на котором спали и хозяева, и гости. Простой стол, самодельный шкафчик для книг, сделанный дедушкой со стороны матери - Григорием Коноплевым для внука. Печка. Всё просто и всё царственно. За окнами дивные картины природы: "Когда вставили косяки в проемы окон, показалось, будто картины по избе развесили. Семь окон - семь картин. И все разные". И дальше: "А мне такое заточенье в глуши лесов, снегов дороже славы и награды - ни униженья, ни оскорбленья ни гоненья. Здесь ни казенную квартиру, ни дополнительный пайком я не обязан никому. Я тут всегда в своем доме, в своем лесу. Здесь родина моя". А в стихотворении "На Бобришном Угоре" об этом сказано так:

Завихряется стружка,	В полчасе шаганья
Пахнет ягодным бором.	От деревни Блуднова
Вырастает избушка	Жизнь моя как сказанье
Над Бобришным Угором.	Начинается снова

Нет, не в пустынь,
 Не в пристань,
 Лежебокам на зависть, -
 В чистый бор, как на приступ,
 Рядовым отправляюсь.

Сложным был жизненный и творческий путь писателя. Сколько пришлось принять мук за правду от уничтожающей невежественной критики. Словом тоже убить можно. Его душу охватывали сомнения: "Не пишется. И столько белых пятен на карте жизни когда опускались руки, Я ничего не делал Годы пропали, словно в лагерях", "Я пережил страшное - не писал. Я жил, но разве это жизнь". Есть мученичество физическое и духовное. У России мученический путь и у лучших ее сынов - тоже крестный путь. В житии вологодского святого Мартиниана, жившего в 15 веке, говорится, что он, будучи духовником великого князя, не боялся обличить его, сказать правду, и такое поведение древних подвижников. Во все времена совесть, честь, безбоязненность стоять за правду перед сильными мира сего считались подвигом. Творчество Яшина становится как бы иллюстрацией лучших качеств в человеке. Так он жил, в этом свете воспринимаются и его произведения. Он в своем творчестве сохранил для нас запас света своего поколения, все лучшее, что было, передал, указав на заблуждения, ошибки, восславил его. А по словам Гоголя писатели это огни, излетающие из сердца народа, вестники его сил.

Н. А. Яшина

ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ АДМИНИСТРАЦИИ НИКОЛЬСКОГО РАЙОНА

Художник Л. М. Попова-Яшина

Печать офсетная. У. п. л. 0,54. Тираж 200 экз.

Издательство "ГРИФОН"

160600, г. Вологда, ул. Ленинградская, 4.